

Пришлось вставать и идти подальше — к лесу, через низкие густые кусты вереска к зарослям орешника, которые Баки давно присмотрел — оттуда можно будет наблюдать за холмом незамеченным. Идти подальше от входа в землянку, где за шкурой тихо возился и фыркал Стив. Баки в который раз почувствовал укол тупой и сладкой боли, перекатывая внутри рта вызнанное имя. Оно так подходило, было таким хорошим, обтекало друида второй кожей — и от этого Баки чувствовал лишь, как крепнет между ним и мальчишкой что-то, чего не должно быть на этом свете. Хозяин имеет раба. Господин пользуется раба. Вожак берёт своё, причитающееся ему, принесённое его людьми ему на милость. Он не думает и не мучается, он имеет власть над жертвой. Он берёт своё — и не вспоминает о случившемся больше. Тут не было хозяев и не было рабов. Жертвой был он сам, собственноручно принёсший себя на служение друиду в своей же голове. Всё было неправильно. Нелепая, неловкая, странная связь. Баки знал наперёд, что им обоим будет только хуже от неё. Если только друид не прикончит его во сне.

А лучше бы прикончил. Потому что Баки знал и другое — велики шансы проиграть этот бой с самим собой. Никогда он не отличался особой терпеливостью. И отсутствие руки его не остановит — он уже чувствовал, как сила постепенно возвращается в его тело. Рана затягивалась, обрастала новой кожей и постоянно чесалась. Тело ощущалось неловким, однако его силы уже хватит, чтобы напасть, уткнуться друида лицом в траву — и одной руки хватит на это, ещё есть зубы, и колено, чтобы придавить сверху — чтобы не трепыхался. Придушить немного, задрать рубаху, натянуть подолом на голову. Раздвинуть ягодицы и взять его, как он делал это прежде с другими: быстро и жёстко, не задумываясь, грубо утоляя рвущийся наружу голод.

Баки смял свою мошонку, чувствуя, что стоит ему коснуться члена, как он выльется семенем на собственные пальцы. Ещё никогда он не чувствовал такого голодного, непримиримого желания взять своё, взять то, что никогда не было и не будет его — и никогда ещё не испытывал ощутимой тянущей боли от того, что запретил себе делать это. Он смотрел, не дыша и не моргая, как Стив выбрался из-за шкуры, как с волнением оглянулся вокруг, не застав его на прежнем месте. Ощущение того, что его искали, что он не пустое место для друида, навалилось на него щемящей тяжестью, от которой закружилась голова. Встрёпанный мокрый жаворонок, Стив, — Баки успел только подставить пальцы, как по ним растеклось тёплое. Облегчение нахлынуло на него, как вода оmyвает раскaлённые солнцем камни, как снимает их жар и уносит с собой дальше, высушивая течением и глубиной. Баки, ещё отходя от спазма, выравнивал дыхание, сжал руку в кулак и медленно разжал, расправляя мозолистую ладонь. Поднял к лицу, втягивая носом запах. Он знал его, всё было таким знакомым — и вместе с тем совсем чужим. Семя пахло разнотравьем, влажной землёй и немного солью, словно он уже стал частью всего этого.

Баки нахмурился и обтёр пальцы о килт, заправил выбившиеся на лицо волосы назад и отправился вглубь леса искать воду — чуткий нос обещал ему, что поиски не будут долгими.

Он не позволит взять другому себе верх. Пускай лучше друид убьёт его, пускай отравит, если он не уйдёт убивать чудовище раньше этого срока. Пускай он больше никогда не чувствует этого голода, потому что когда тот приходит — он не может думать, он не видит ничего вокруг кроме того, что он собирается взять.

Ему нечего брать тут. Тут всё — друида. Стива. Не его.

<http://erolate.com/book/3459/83614>